

I. S. Turgenev: an undated self-portrait
(Reproduced by permission of Sir Isaiah Berlin)

Some Letters of Ivan Turgenev to Baron Horace de Gunzburg, 1877-83

By I. DE VRIES-DE GUNZBURG

A good deal is known about the last years of Turgenev's life. Much of his correspondence has been published and has added considerably to our knowledge of his life. Indeed, there exists a detailed day-to-day record of it compiled by a Soviet scholar largely on the basis of Turgenev's letters.¹

Turgenev's correspondence is very extensive, as might be expected in view both of the letter-writing habits of the time and of the peculiar circumstances of his life.

Many of Turgenev's letters (this depends, of course, on the character of his correspondents) touch on literary topics. They give us his opinions on his own and other people's writing and on questions of art and culture in general. Today these are the letters that arouse the greatest interest, for they deal specifically with the sort of problems that seem important to contemporary literary scholars. And these are, in fact, virtually the only kind of letters that appeal to them, for they have largely broken with the conception predominant at the end of the last and the beginning of this century, namely of concentrating in the first place on historical detail. Hence I fear that the letters which are here published may perhaps prove disappointing to such specialists.

These letters—about thirty in all, and addressed to my grandfather, Baron Horace de Gunzburg (1833-1909), the banker—are mostly very matter-of-fact in tone and content.² They deal with such subjects as assistance to needy Russian *émigrés*, especially intellectuals and artists, as well as the financial affairs of the very unpractical Turgenev. But it is the light which these somewhat impersonal letters cast on Turgenev's lack of business sense, and on his other characteristics, that gives them

¹ M. K. Kleman, *Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva* (L., 1934); later references to this work are in the form 'Kleman'. Details of other works frequently referred to (with the abbreviations I have adopted in brackets at the end of each title) are: Henri Granjard, *Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps* (Paris, 1954) [Granjard]; *Literaturnyy arkhiv: materialy po istorii literatury*. T. 4, pod red. M. P. Alekseyeva (M.-L.: Akad. Nauk SSSR, 1953) [Lit. Arkh.]; David Magarshack, *Turgenev: a life* (1954) [Magarshack]; *Opisanie rukopisey i izobrazitel'nykh materialov Pushkinskogo Doma. IV: I. S. Turgenev* (M.-L.: Akad. Nauk SSSR, 1958) [Opis. rukopisey]; H. Sliosberg, *Baron Horace O. de Gunzburg* (Paris, 1933) [Sliosberg]; M. M. Stazyulevich *i ego sovremenniki v ikh perepiske*. T. 3 (Pb., 1912) [Stas.]; *Turgenevskiy sbornik*, pod red. A. F. Koni (P., 1921) [Turg. sbornik].

² Four other letters of Turgenev to Baron de Gunzburg were published by S. Pereselenkov in *Turg. sbornik*, pp. 145-52.

[Oxford Slavonic Papers, Vol. IX, 1960.]

an interest beyond such value as they possess as mere items in the comprehensive catalogue of his correspondence.

The personal character of the letters is evidence of the strong bond which existed between Turgenev and his correspondent, which was based on their deep-rooted appreciation of, and absolute trust in, each other.

During the period covered by the correspondence Gunzburg lived in St. Petersburg; but he often resided in Paris, so that he virtually had two homes. Turgenev was in the habit of spending, nearly every year, several months in Russia, but his domicile was at No. 48, later at No. 50, rue de Douai. There he occupied several smallish rooms, which struck his visitors as simple and tidy, filled with works of art.¹ Turgenev once described himself as having been 'bitten by the "tarantula" of the painter's art',² and he 'was known at the Salle Drouot³ as the *Grand Gogo Russe*'.⁴ The painter Repin, who was not too favourably disposed towards him, says that Turgenev considered himself a great connoisseur, and even a patron of the arts.⁵ He was probably right in supposing that Turgenev wanted to imitate the rich. But it was also characteristic of Turgenev to discover, and become enthusiastic about, young and unknown talents, in painting as well as in literature. And although his taste was very pronounced, his judgement does not seem to have been too certain.

As a collector of pictures he tended to prefer painters of the Barbizon school—who were not very young in about 1880. For instance, he was much attached to a landscape by Théodore Rousseau which he did not sell until 1882;⁶ most of his other works of art had been sent to the Salle Drouot to be sold in 1878. He did not mind this greatly 'as the walls of his small studio remained crowded even after the sale'.⁷

Besides his house in Paris, Turgenev lived in a small country house in Bougival. Bougival, near St. Germain and not far from Paris, was in those days much in vogue as a place of resort for artists. It could easily be reached from Paris by train. 'Trains leave the Gare St. Lazare hourly at thirty-five minutes past the hour', Turgenev writes to Gunzburg in a letter inviting him to come to see him, 'and on the "American" line from Rueil to Bougival you must say that you want to get out at the La Chaussée stop, which is just opposite our villa.'⁸ This house, 'Les

Frênes', had been bought by the Viardots in 1875 with financial assistance from Turgenev.¹ It was situated in a large park. Turgenev had a comfortable cottage built on the estate, with a large studio where one of Viardot's daughters used to paint. According to Saltykov, he lived there in great state.²

My grandfather, Baron Horace de Gunzburg, was a well-known banker.³ As a loyal Jew, he became a champion of the cause of his co-religionists. This is not the place to enlarge on his work in this sphere; his main object was to obtain full equality of treatment for the Jewish population in Russia. Owing to his strong financial position, and even more to his exceptionally honest and very human personality, he came to occupy a quite exceptional place in Russian society. During the mounting and virulent antisemitism of Alexander III's reign Gunzburg had free access to government circles, and at the same time his kindly personality made him well liked by humbler people. In this way he was able to use his great influence for the benefit of his fellow Jews. He did this with deep conviction and as an openly pursued policy.

The whole of the Gunzburg family had settled in Paris in about 1857. In 1870 they moved to a large house at No. 7, rue de Tilsitt. The Baron's son, Alexander de Gunzburg, writes: 'Grâce à l'aménité et la beauté de notre mère, la famille fit très vite la conquête de la société parisienne du temps où le mot anti-sémitisme n'existait pas.'⁴

Many artists and intellectuals frequented the *salon* in the rue de Tilsitt. The cultural interests of the Gunzburgs were traditionally deep and genuine, and it is therefore hardly surprising that one of Horace's sons, David de Gunzburg, should have become a distinguished orientalist, and another, Mark, a painter. The latter unfortunately died young.

In 1859 the banking-house of I. E. de Gunzburg (Horace's father) was established in St. Petersburg with a Paris branch at No. 1, rue St. Georges.⁵ Horace de Gunzburg was made director of the St. Petersburg bank and as such was constantly travelling between Paris and Russia. In St. Petersburg he lived on the Konnogvardeysky Boulevard, and there, too, he kept open house. Among his intimate friends were M. M. Stasyulevich and his wife, L. I. Stasyulevich (*née* Utina),⁶ one of the first women graduates in Russia. A. de Gunzburg records that he himself,

¹ Turgenev to E. Ya. Kolbasin, 15 (27) Dec. 1875 (Kleman, p. 236); Magarshack, p. 269.

² Letter from M. E. Saltykov-Shchedrin to A. N. Pleshcheyev of 2 (14) Oct. 1875 (Kleman, p. 238).

³ For further details, see *Jewish Encyclopaedia*, vi (1904), 111-12; *Evreyskaya Entsiklopediya*, v (SPb., 1910), cols. 525-31; Sliosberg, *passim*.

⁴ Unpublished memoirs.

⁵ The Paris branch was originally at 3 rue Drouot, during the period of this correspondence at 1 rue St. Georges, and later at 25 Bd. Haussmann. It was liquidated in 1892 (A. de Gunzburg, Unpublished memoirs).

⁶ Her father, a tax-farmer (*otkupshchik*), was a business associate and friend of I. E. de Gunzburg (A. de Gunzburg, Unpublished memoirs).

¹ Henry James, quoted by Magarshack (p. 268). The impression is confirmed by the unpublished memoirs of A. de Gunzburg.

² Letter to A. F. Onegin of 8 (20) Mar. 1874 (*Opis. rukopisey*, p. 222).

³ The well-known Paris auction rooms.

⁴ Turgenev to Ya. P. Polonsky, 13 Oct. 1875 (*Opis. rukopisey*, p. 222). Turgenev glosses 'Gogo' as a slang term for one who is easily taken in.

⁵ Letter to V. V. Stasov of 25 May (6 June) 1874 (*ibid.*, p. 223).

⁶ He then sold it to Tretyakov (Turgenev to D. V. Grigorovich, 1 Feb. 1882 (*ibid.*, p. 224)).

⁷ Letter to Mme Polonsky of 24 Dec. 1882 (*ibid.*, p. 225).

⁸ Letter No. 30.

and especially his sisters (probably after their mother's death—she died young in 1876), used to spend most of their evenings in her house. M. M. Stasyulevich was a very well-known member of the St. Petersburg intelligentsia. He was a historian and had done much for education in his country. In 1866 he founded and became first editor of the influential liberal monthly, *Vestnik Evropy* ('European Courier') in which Turgenev was to publish most of his later work. In 1881 he also acted for a year as editor of the liberal newspaper *Poryadok* ('Order'). Granjard declares that Turgenev was the spiritual father of this journal.¹

Other members of the intelligentsia who themselves also belonged to Stasyulevich's circle might be met in the Gunzburgs' houses. We find them again among Turgenev's friends: e.g. V. V. Stasov, the lawyer, and celebrated historian and critic of music and the fine arts; V. D. Spasovich, the Polish-born literary historian and journalist; K. D. Kavelin, the famous jurist, historian, and liberal publicist; A. N. Pypin, the radical and the historian of Russian literature; the novelists Goncharov, Saltykov-Shchedrin, and Boborykin (the last of these three was not highly thought of by Turgenev);² the liberal judge and man of letters A. F. Koni, celebrated for his memoirs, legal opinions, and speeches, and still comparatively young at that time; and last but not least the Jewish sculptor Mark Antokol'sky, a life-long protégé of Gunzburg³ and, in the late seventies, a friend of Turgenev's.

In Paris, too, Turgenev and Gunzburg saw a good deal of each other:

Tourguénieff a été un ami fidèle et nous l'avons continuellement vu tant à Paris qu'à Pétersbourg. Il est superflu d'insister sur ses qualités qui au-dessus de tout caractérisaient le grand-seigneur. Une indulgence et une bonté de cœur sans limite le distinguaient. Lors du pogrome de 1880 quand à Pétersbourg mon père ouvrit une souscription, Tourguénieff fut un des premiers à lui apporter cent roubles — s'excusant de ne pouvoir faire plus.⁴

On many occasions Turgenev gave proof of his attitude towards the Jewish question. In a letter in 1882 he writes to Gunzburg: 'We have agreed not to discuss our domestic affairs . . . which are shameful. After what happened in Balta one feels disgraced in the eyes of Europeans for being a Russian.'⁵ It is not only in letters to Gunzburg that he showed his attitude. It is true that, as becomes clear from a letter to Antokol'sky, he refused to write a public protest against the pogroms;⁶ his general view on the subject was that no letter from an individual member of the intelligentsia, but only a strong protest from the Tsar himself, would have any real effect.⁷ In 1882, however, just before he fell fatally ill, he

¹ Granjard, p. 445.

² Letter to Stasyulevich, 25 May (6 June) 1878 (*Stas.*, p. 152).

³ A. de Gunzburg, Unpublished memoirs.

⁴ Ibid.

⁵ Letter of 1 May 1882 (n.s.) (*Turg. sbornik*, pp. 150-1, 152 n.).

⁶ Letter of 4 (16) July 1882 (Kleman, p. 305).

⁷ Letter to E. Ya. Kolbasin of 27 May (8 June) 1882 (*ibid.*, p. 313).

had been intending to devote an article to this question in *Poryadok* or in some Odessa paper.¹ In this connexion he wrote to one of his friends: 'I have always had very good friends among the Jews, and I have them still.'² It is clear that Baron Gunzburg was among their number.

In Paris they met more frequently after the foundation in 1877 of the 'Society for mutual aid and charity for Russian artists in Paris'—an organization that had its headquarters in an annex of Gunzburg's house in the rue de Tilsitt. Prince Orlov, the Russian Ambassador in Paris, was elected president, Turgenev acted as its secretary, and Gunzburg was its treasurer. The meetings were held fairly regularly. 'Ce cercle qui réunissait régulièrement ce qu'il y avait d'artistes et en général d'intellectuels joua un certain rôle dans le mouvement artistique russe à Paris.'³ Two of the letters here published were written by Turgenev in his capacity of secretary of the Society. One is a letter to thank Baron Gunzburg for putting a studio at the disposal of the Society.⁴ This was probably the studio of Mark de Gunzburg, who at the time was in Madeira for reasons of health. The other letter was one of condolence on the occasion of Mark's death in 1878.⁵

The bond that had existed between the Russian artists in Paris and Gunzburg had certainly been strengthened by the 'mind and interests' of Mark—to quote Turgenev.⁶ Among them we find the painter A. P. Bogolyubov, 'ancien officier de marine et ami d'enfance de l'empereur Alexandre III. Installé à Paris depuis pas mal de temps, il était l'âme non seulement des cercles artistiques russes, mais de toute la colonie.'⁷ Mark Antokol'sky, the sculptor, who had settled in Paris at about that time, was, as has already been mentioned, an intimate friend of Gunzburg. Other friends were Pokhitonov, 'the Russian Meissonier', Kharlamov (who in 1875 painted Turgenev's portrait), and the painters Leman and Szyndler.⁸ This last, however, a very young Pole, was probably not a member of the Society—as were all the others.

I feel sure that Gunzburg and Turgenev had many other friends in common. But I see no reason for supposing that Turgenev was personally acquainted with Gunzburg's friends and associates in the banking and business worlds, Ephrussi or S. S. Polyakov,⁹ for example, while on the other hand Turgenev's literary friends, such as Flaubert and Zola, were not among Gunzburg's intimates. The Viardots he knew only slightly.¹⁰

The banker and the writer lived their own lives in different spheres. But they met frequently, and though the common interests on which

¹ Letter to E. Ya. Kolbasin, 24 Feb. (8 Mar.) 1882 (Kleman, p. 311).

² Letter to G. I. Bogrov, 14 (26) Mar. 1882 (*ibid.*, p. 311).

³ Kleman, p. 264, and A. de Gunzburg, Unpublished memoirs.

⁴ No. 6.

⁵ No. 7.

⁶ Ibid.

⁷ A. de Gunzburg.

⁸ Kleman, p. 234; also pp. 231, 225; *Stas.*, p. 131; A. de Gunzburg.

⁹ Referred to in Letters Nos. 11 and 16 respectively.

¹⁰ A. de Gunzburg.

their friendship was based were few, they grew closer to each other in the course of the years.

Their exchange of letters gives one the impression of being a kind of complement to their conversations. Nevertheless, it is surprising that there should be in these letters scarcely any mention of literature or of Turgenev's work; only once do we read about it in connexion with some practical question. On two occasions manuscripts are mentioned that had to be sent to Russia.¹ Considering the circumstances of the time and the fact that the Gunzburgs were frequently travelling between St. Petersburg and Paris, it is small wonder that they were often made use of by Turgenev (and sometimes by Madame Viardot) as couriers. In this capacity they were not always exemplary. On one occasion a parcel entrusted to one of them was left behind, and, as a result, the second part of a manuscript reached the puzzled publisher before the first.²

A good many of the letters here reproduced introduce Turgenev's protégés, others accompany subscription-lists or programmes, some are letters of thanks or letters declining invitations. Turgenev mostly confines himself to the topic of the letter, sometimes adding a few words about the state of his health. Only two letters strike a different note.³ These refer to a donkey which Turgenev bought through the Baron and which he later sent back, because the animal 'will neither trot nor walk'.

The business letters are of greater interest. Though Turgenev was originally by no means without capital, he was in constant financial difficulties. His generosity, his tastes, and his way of living *en grand seigneur*, are well known. Moreover, the Viardot family was a great expense to him (as, for example, in the case of the purchase of Les Frênes or Didie's dowry).⁴

His daughter Paulinette also cost him a good deal of money. When quite young, Turgenev had had a child by a serf, a seamstress belonging to his mother. At first the girl remained in Russia, but his mother's overbearing nature and her pathological cruelty made the girl's life intolerable. She then lived for some years with the Viardots, but there, too, she seems to have been painfully affected by her father's relations with Madame Viardot. Later on she lived with a governess, and at the age of twenty-three she married a Monsieur Bruyère who owned a glassworks which was unsuccessful, and had to be supported by Turgenev on a number of occasions. Moreover, the marriage was not happy; in 1882 Paulinette left her husband and settled in Switzerland with her two children. All this involved Turgenev in a great deal of expense.⁵

¹ Letters Nos. 3 and 34.

² Turgenev to A. V. Toporov, 1/13 Jan. 1878 (*Lit. Arkh.*, p. 265).

³ Nos. 13 and 14.

⁴ Granjard, p. 392; Magarshack, pp. 254, 268.

⁵ Magarshack, pp. 125, 166-7, 193, 206, 305; letter of Turgenev to Gunzburg, 28 Sept. (10 Oct.) 1881 (*Turg. sbornik*, pp. 147-8).

His property consisted of several estates in Russia, and these were mismanaged during his absence. He had had great difficulties with several of his stewards; one of them was an old uncle of his, and this made the situation all the more painful as he felt very attached to him.¹ In June 1876 he seems to have been on the point of letting or selling Spasskoe—the estate for which he cared most, and where he always stayed when in Russia.² In the end he did not let or sell it; but he did sell another small estate, and in 1880 he wanted to dispose of a third one, Tapki (between Orel and Kursk).³ When negotiating the sale of Tapki he came to Gunzburg for advice. The letters that he then wrote show his great confidence in Gunzburg, as well as the latter's devotion, affection, and courtesy towards his friend, whom he treats as one wholly inexperienced in business matters.

In a very long letter of 2 May 1880, 'the longest business letter I have ever written', Turgenev explains his situation. Towards the end of it he writes: 'You will most likely think me a very bad financier, and that is Gospel truth.' However, he seems prepared to accept his self-characterization as an overstatement, for he continues with some pride: 'P. F. Samarin, who is a great administrator, told me, when I described to him in detail the state of Tapki, that I could not get more than 110 roubles per desyatina, and I made my calculation on the basis of 115 roubles.'⁴ From later letters and from a note by his intermediary in the sale we gather that Turgenev did, in fact, finally sell Tapki for a good price in September 1880.⁵

The reader will also find drafts of a cable and of a letter which Gunzburg sent in reply. It is Gunzburg's only letter in this collection. He begins by saying: 'Avec des chiffres on arrive à tout prouver (quand on le veut). Votre tranquillité, des prétentions à écarter etc. valent quelques milliers de roubles', and goes on to point out that by being so vague he runs the risk of getting 10,000 roubles less than he expects. One of the difficulties seems to have been that Turgenev did not make it clear whether he was talking about the nominal or the market value of a certain bond. Neither had he realized that some commission would be due to the bank. A little later it is Gunzburg who manages, through his personal intercession, to get a more favourable assessment of the estate from the Bank of Kharkov at a moment when Turgenev had already given up all hope of this.⁶

It is noteworthy that during the years of this correspondence Turgenev's confidence in Gunzburg continually mounts. In 1879 he writes

¹ Magarshack, pp. 29, 252, 255.

² Kleman, p. 248.

³ *Stas.*, p. 118. He sold a fourth one (Kadnoe) in 1881 (Kleman, p. 306; Granjard, p. 392).

⁴ Letter No. 19.

⁵ Letters Nos. 20, 21, telegrams 21(a); *Polnoe sobranie pisem I. S. Turgeneva* (SPb., 1884), p. 359, n. 1.

⁶ Letters Nos. 19a, 21, telegrams 21(a).

to Toporov about the Gunzburg bank: 'They have done a lot of business for me and have always treated me very correctly'—which is still somewhat impersonal.¹ A distinct change in their relations becomes noticeable in letters written a few years later. Although they deal once again with business interests, we hear, for instance, about the sad financial straits of his daughter, to which he refers very frankly.² This confidence is also evident from a letter of 1 May 1882 (N.S.) in which he leaves the re-publication and the handling of his work entirely to Stasyulevich, to his friend, the lawyer Samarsky-Bykhovets, and to Gunzburg;³ and six days before his death he signs over the power of attorney for the sale of Spasskoe to David de Gunzburg, one of Horace's sons.⁴

When one considers the way Turgenev managed his affairs, one is struck by his somewhat lighthearted attitude. He liked always to have money at his disposal, and—as his correspondence indicates—was always full of the subject, but he did not want to take the trouble of paying serious attention to his affairs. It was the attitude of a *grand seigneur* who, without noticing it, complicated the task of those to whom he entrusted his interests, and who was himself the cause of more than one of his disappointments. When he sold his pictures in 1878, he lost about 12,000 francs on them. He had the feeling that he had been unfairly treated. He wrote reproachfully to his brother: 'I recently sold my collection of pictures and met a sort of Waterloo. I expected to lose 6,000, and lost 12,000. First, I chose the wrong moment, and secondly, I was misled, i.e. cheated: the days they gave me for the exhibition and sale were the three last days of Holy Week, when nobody ever buys anything. Well, to hell with them!' And to the poet Polonsky he complains that his friends, especially the Russians, left him in the lurch.⁶

This carelessness is reflected in some degree in the letters. Very few are without erasures, and this does not merely apply to those that are more like scrawled notes, or to those written when he was ill in bed, when his handwriting reflects the state of his health (in one of them he even calls his old friend Mikhail Matveyevich Stasyulevich 'Matvey Mikhailovich').⁷ In general they are somewhat untidy, and his lines are hardly ever straight—even in a letter of condolence. His handwriting is quite attractive, but less legible than it appears to be at first glance. It is made no easier to decipher by his habit of writing sometimes a short and sometimes a long ж, and his т and д may turn either up or down. The final letters of his words are often ill-formed, so that it is difficult to establish whether, for instance, he has written *чтоб* or *чтобы*, or *хотя*

or *хоть*, or an 'е' or a 'я' as the plural-ending of adjectives. Nor is he quite consistent in his orthography: for instance, he writes *интересный* with one 'с' and then again with two,¹ or *нельзя* may or may not form two words.² His punctuation is far from correct. Compared with that of his stories and novels, the style of these letters is disappointing. Even the letter of condolence referred to above is impersonally worded, and, taken as a whole, the letters produce a monotonous effect. This is partly due to their subjects, but it is extraordinary that even when recommending his protégés he should have only one or two ways of expressing himself.

His presentation is always very simple: 'The person is worthy of support' even when referring to people in whom he is really extremely interested, as in the case of the young writer Shpolyansky, whom he not only recommends twice to Gunzburg³ but also to Stasyulevich. On one occasion he gives him 150 francs of his own, pretending that it was a fee for an article that Stasyulevich was supposed to publish, but before he had definitely heard that he was really going to do so.⁴

Only once did he take the trouble to go into details about somebody's qualities. This was I. Ya. Pavlovsky, a man who had had to leave Russia for political reasons. He first went to America, where he worked industriously on a Quaker farm; then his brother persuaded him to come to Italy, but he got no farther than Paris. Two points struck Turgenev about him: his energy, 'astonishing for a Russian', and the fact that he wanted not money but work—'however unattractive or mean', to quote Turgenev. In fact, of all the Russians in Paris he was 'the only one [Turgenev] was ready to stand up for'.⁵

With this letter we touch on a question that was already a controversial one during Turgenev's lifetime, namely his relations with the revolutionaries. For Pavlovsky was a 'nihilist' who had been arrested in Russia in 1874, had been four years in custody, and, according to Granjard, was not released until 1878.⁶ We do not know whether Gunzburg helped Pavlovsky, but Turgenev did so quite openly. He had an article of his translated and published with an introduction by himself in *Le Temps*.⁷ To his great astonishment this got him into trouble with the Russian police.

Turgenev was known to be on good terms with P. L. Lavrov, the celebrated revolutionary publicist, whom he met regularly in Paris. But he does not seem to have considered him to be very dangerous. In 1879 he writes of him to Annenkov: 'He is a dove who is trying to pass for a

¹ Letter of 2 (14) June (*Lit. Arkh.*, p. 285).

² Letter No. 26; *Turg. sbornik*, pp. 147-8; *Stas.*, p. 202.

³ *Turg. sbornik*, p. 150.

⁴ Two copies are in the collection (No. 35).

⁵ Letter of 29 Apr. 1878 (*Opis. rukopisey*, p. 225).

⁶ Letter of 17 Apr. 1878 (*ibid.*).

⁷ Letter No. 26; *Stas.*, p. 201.

¹ Letters Nos. 34, iii; 9, 10, 30.

² For example, Letters Nos. 21, 24; and Nos. 9, 14.

³ *Turg. sbornik*, p. 149 (letter of 8 (20) Mar. 1882); Letter No. 29.

⁴ *Stas.*, pp. 202-4.

⁵ Granjard, pp. 404-6, 446; *Lit. Arkh.*, pp. 299-300.

⁶ Letter No. 8.

⁷ *Ibid.*

hawk. You should have heard him cooing over the need for Pugachevs and Razins. His words are frightening, but his expression is humble, his smile good-natured, and even his great, untidy beard looks kind and idyllic.¹ A. de Gunzburg tells us that Turgenev managed to arrange an official invitation for Lavrov to lecture to the Russian artists' Mutual Aid Society, and that this brought the Society into trouble with the Russian police.

In A. de Gunzburg's memoirs we find another story of this kind (in connexion with the symbolist poet N. M. Minsky) where Turgenev again gave assistance to a man whose political views he did not share. Since these memoirs are unpublished, the passage deserves quotation at length:

Nicolas Minsky (Vilenkine) comme tout jeune homme et au commencement de sa carrière, nous donna des leçons de russe. C'était à l'époque où il écrivait sa pièce de vers «Tri stoupen'ki». Il avait déjà l'âme généreuse, mais dans le fond autour de nous on le trouvait très révolutionnaire. Une fois à une fête de bienfaisance, donnée à l'ambassade de Russie, il fut invité sous le patronage de Tourguénieff qui en grand seigneur dédaignait de scruter les convictions politiques des artistes. Minsky lut la pièce ci-dessus indiquée. Dès le lendemain la police secrète russe de Paris sonna l'alarme et demanda que de Pétersbourg on dissolvât le cercle d'artistes russes qui avait été établi à Paris et comptait comme président l'Ambassadeur Prince Orloff, comme secrétaire Tourguénieff et comme trésorier mon père. Ce n'est que grâce à l'intervention de Bogoliouboff auprès du Grand Duc Vladimir qui protégeait les beaux arts dans sa qualité de Président de l'Académie et aussi à l'intervention d'Orloff, que la situation fut sauvée.

En mars 1881 l'empereur Alexandre II fut assassiné, et le premier mouvement de Nicolas Maximovitch [Minsky] fut de se lancer vers la Russie, où, disait-il, 'il va se passer de grandes choses'. Désirant l'empêcher de tomber dans les mains de 'la troisième section' mon père l'empêcha de partir vers le nord, et l'envoya faire un voyage en Italie. Depuis la première révolution, notre fougueux Mirabeau s'est installé à Paris, où il vit tout ce qu'il y a de plus bourgeoisement. Je ne l'ai jamais revu.

The general impression one obtains is that Turgenev did not think the nihilists very dangerous. Or was it typical for his time to judge a man's moral worth independently of his political views? After all, did not the banker Gunzburg give assistance to Minsky?

In this connexion I should like again to quote from A. de Gunzburg's memoirs:

Encore un trait qui caractérise Tourguénieff. Bakounine réfugié en Suisse, était devenu 'propriétaire' (ce qui n'était pas mal pour un socialiste de sa trempe). Il avait laissé deux filles, et comme elles avaient besoin d'argent, Tourguénieff sut persuader mon père d'acheter pour fr. 40.000 cette propriété qui se trouvait au-dessus de Lugano et qui s'appelait par une coïncidence

¹ Letter of 28 Dec. 1878/9 Jan. 1879 (Kleiman, p. 274).

curieuse 'La Baronata'. Plus tard mon père fit cadeau de cette propriété à Antokolsky. Je dis cadeau car A. avait promis de donner en échange les copies de ses œuvres les plus importantes, mais excepté pour une, il n'en fit rien.

Turgenev always remained true to his old friend, but as for La Baronata, that had belonged to Bakunin nominally and for a short time only. It was in fact the property of his Italian disciple, Carlo Cafiero,¹ and the relevant letter² proves that by helping to sell La Baronata Turgenev was helping not Bakunin himself, for he, in point of fact, had died in 1876, but his family.

Many of the persons mentioned in these letters have left little or no trace in history. In the limited time available to me I have been able to identify some, but not all, of them. Others—for example, those who are at present engaged in preparing a full edition of his correspondence—are better placed to fill the gaps that remain. Hence my contribution has been limited to the provision of an accurate text, in which—though the New Orthography has been adopted as a matter of editorial policy—Turgenev's vagaries of spelling and punctuation have been noted. To the material at my disposal I have added a few extracts from A. de Gunzburg's unpublished memoirs which throw a little further light on Turgenev and his relations with my grandfather.

In conclusion I wish to express my gratitude to Sir Isaiah Berlin for placing the correspondence at my disposal, and also to thank him and Mr. J. S. G. Simmons for assistance in preparing this article for the press. I am indebted to Professor S. Konovalov for entrusting the publication of the letters to me, and, finally, my thanks are due to Professor K. van het Reve of Leyden University—a specialist on Turgenev and his circle—and to Mr. Yu. Kuznetsov of Leningrad for a number of valuable suggestions.

¹ E. H. Carr, *Michael Bakunin* (1937), pp. 462–76.

² Letter No. 31.

Texts

LETTERS

I

50, Rue de Douai
Paris
Среда, 5-го Дек. 1877.

Любезнейший Г. Гиндбург,

Постоянное дружеское расположение, которое Вы мне оказываете, даст мне смелость обратиться к Вам с просьбой. Надеюсь, что если, по чемунибудь, исполнение ее Вам покажется неудобным, Вы не затруднитесь отказать мне.

Наш общий знакомый, М. Н. Попов сказал мне, что ввиду¹ невыгодного теперешнего курса, он вместо того, чтобы переводить свои деньги из России, обратился к Вам — к Вашему дому — и Вы были так любезны, что ссудили его известной суммой по 6% под залог ценных бумаг.

Не захотите ли Вы оказать и мне подобную услугу? — Я нуждаюсь в 15,000 франков — и мог бы представить на большую сумму залог состоящий из акций Московско-Рязанской дороги.

Полагаю, что Ваш дом не занимается подобными операциями — так как они мало выгодны; — но я и считаю подобную ссуду дружеской услугой.

Во всяком случае прошу Вас отвечать в двух словах, какое будет Ваше решение. Здоровье мое все не поправляется, хоть боли пропали; но я по прежнему лежу без ног.

Примите уверение в дружеских чувствах

Преданного Вам,
Ив. Тургенева.

2

50, Rue de Douai
Paris
Четверг, 6-го Дек. 77.

Любезнейший Г. Гиндбург —

Деньги я получил — и мне остается искренне поблагодарить Вас за Вашу дружескую услугу, которая вдвойне дорога при теперешних трудных и смутных обстоятельствах.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

3

50, Rue de Douai
Paris
Суббота, 8-го Дек. 77

Добрейший Г. Гиндбург,

Вот тот сверточек,² который Ваш сын взялся доставить М. М. Стасюлевичу. Прошу его принять мое спасибо за любезную услугу.

И не мог приехать ранее

Примите уверение в совершенной моей преданности и дружбе

Ив. Тургенев.

4

50, Rue de Douai
Paris
Среда, 19-го Дек. 77.

Любезнейший Г. Гиндбург,

Из прилагаемого листа Вы узнаете в чем дело — и почему я решаюсь прибегнуть к Вашей столь известной доброте и готовности помочь. Если позволите — я пришлю завтра моего человека за обратным получением этого листа.

Мне лучше — но я до сих пор еще не мог выйти³ из дому.

Заранее благодарю Вас и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5

50, Rue de Douai
Paris
Вторник утром
[16 Apr. 1878 (n.s.)]⁴

Любезнейший Гиндбург,

Только вчера узнал я что Вы вернулись из Петербурга и хотел-было навестить Вас — но не удалось. Надеюсь встретиться с Вами вечером на нашем художественном собрании. — Пока посылаю Вам⁵ билет на особый вход на выставку⁶ моей продажи имеющей быть в Субботу.⁷ — Вы, может быть, слышали что я продаю свои картины. Каталог я Вам выслал вчера.⁸ — Да кроме того у меня есть до Вас следующая просьба.

Мы, здесь находящиеся Русские, решили отправить — вероятно известного Вам нашего молодого соотечественника — певца Спасского⁹ в Россию, в Петербург, где, вследствие протекции¹⁰ Адлерберга¹¹ и обещаний директора театров Кистера¹² — он может начать свою карьеру [sic], к которой он вполне подготовлен двухлетней работой в Италии. — А здесь он должен пропасть «как червь капустная». — Но для этого — т.е.: — для путешествия и пр. — нужны деньги: 1000 фр. — Мы уже собрали 650 — и есть надежда получить еще около 200... Не захотите ли Вы помочь доброму делу? Зная Вашу щедрость и добродушие все с Вас таскают... это мне известно; но может быть, на этот раз — Вы примите в уважение нашу рекомендацию. — Лично я был бы Вам очень благодарен — и могу только присовокупить что г. Спасский вполне заслуживает сочувствия и поддержки.

До свидания — дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Многоуважаемый Гораций Осипович,
Общество вспоможения и благотворительности Русских художников в Париже, с особенным чувством удовлетворения узнавши о Вашем намерении предоставить в его временное распоряжение мастерскую¹³ находящуюся в Вашем доме — в общем собрании решило выразить свою искреннейшую благодарность за это предложение, в котором столь ясно высказались и Ваша неизменная любовь к искусству [*sic*] — и постоянное покровительство оказываемое Вами художникам.

Общество считает излишним заметить что Ваша мастерская по первому Вашему слову и во всякое время — поступает обратно в Ваше распоряжение. — Общество только позволяет себе просить Вас, чтобы Вы в таком случае, предупредили его за месяц.

Париж, 18-го Июня 1878-го года.

Иван Тургенев
Алексей Боголюбов¹⁴
Юлий Дюлу¹⁵
Андрей...¹⁶
Иван Похитонов¹⁷
Лукиан Пржепиорский
Александр Алексеев¹⁸
Барон Лев Фредерикс¹⁹
Юрий Леман²⁰
Павел Жуковский²¹
Алексей Харламов²²
Марк Антокольский²³

50, Rue de Douai
Paris

Многоуважаемый

Гораций Осипович!

Комитет Общества Взаимного Вспоможения и благотворительности Русских Художников в Париже, узнав о новом поразившем Вас несчастье,²⁴ считает сердечным долгом выразить Вам свое глубоко-скорбное и искреннее сочувствие. — Все члены Комитета — а также и Общества — тем больше поражены утратой столь многообещающего и даровитого юноши, Вашего сына, что душевные его наклонности, любимые его занятия, связывали его именно²⁵ с тем делом, которому большая часть из нас посвятила свои труды, в котором мы все принимаем участие. — Вы потеряли в нем примерного сына — Русское искусство [*sic*] одну из светлых своих надежд. Подобные раны излечиваются только временем; — мы и не думаем предлагать Вам неуместные утешения — но мы надеемся, что Вы не откажетесь принять от нас, в эту горестную для Вас минуту, повторенное заявление того нелицемерного уважения, того почти родственного сочувствия, которое Вы

сумели возбудить в каждом из нас и которое только растет и крепнет при всех ударах столь незаслуженно падающих на сердце, побное Вашему.

Париж
26-го Дек. 1878.

Члены Комитета:

Ив. Тургенев
Ал. Боголюбов
А. Харламов
Барон Лев Фредерикс
Марк Антокольский

50, Rue de Douai
Paris
Среда, 22-го Января 79.

Любезнейший Гораций Осипович,

Я уже писал к Вам о том, о чем хочу теперь побеседовать с Вами но я имею причины предполагать, что мое письмо не дошло до своего адреса [*sic*]. Вот в чем дело. Вы знаете, что ко мне ходит множество молодых нуждающихся Русских; они просят работы, места — но почти всегда дело кончается тем, что приходится им выдать посылные деньги. — В числе этих Русских явился наконец один, который обратил на себя мое особое внимание. Это некто Павловский, Иван Яковлевич молодой человек 24-х лет.²⁶ Он как многие другие, принужден был по политическим причинам, удалиться из России и попал в Америку, где провел два года в тяжелом труде. Он работал на ферме, пахал, ходил за лошадьми и т. д. — Кстати, он выучился Английскому языку, которым владеет совершенно свободно. (Французский язык он понимает хорошо, но изъясняется на нем плохо.) Он прожил в Америке у Шэкеров (трясунов-квакеров) и вынес оттуда очень своеобразные впечатления²⁷ которыми намеревается современем познакомить Русскую публику. — Вызванный из Америки родным братом, живущим в Италии, он застрял в Париже. — И. Я. Павловский отказывается от денег — и серьезно ищет работы. Он согласен поступить на любое место — хоть конюха. — Он произвел на меня впечатление человека вполне честного, хорошего, прямого; пребывание в Америке закалило его и без того замечательную в Русском человеке энергию; словом, он единственный из здесь находящихся Русских, за которого я готов отвечать. Зная Вашу бесконечную доброту и гуманность я позволил себе направить его к Вам: не найдется ли у Вас или у кого из Ваших знакомых какого либо места (не исключая самых незавидных и низких) для этого человека? Он явится к Вам завтра в 11 час. утра. — Если этот час или день — по чему либо Вам неудобен — то дайте мне знать и я передам ему. — Смее думать, что 15 минутный разговор с ним также расположит Вас в его пользу как и меня. — Во всяком случае заранее благодарю Вас, и крепко пожимаю Вашу руку, остаюсь

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

9

50, Rue de Douai
ParisПятница, $\frac{18\text{-го}}{6}$ Апр. 79.

Любезнейший Гораций Иосифович,

На Ваше письмо имею отвечать следующее: по собранным сведениям Г-жа Михайловская владеет порядочным голосом но она уже его испортила, бравши уроки у различных учителей — и большой артистической карьеры [sic] предсказать ей не лзя [sic]; — по²⁸ благодущию Вашему Вы ей помочь можете — но без дальнейших результатов.

Кстати, я, въ нашем Обществе, во Вторник, хочу прочесть небольшой но чрезвычайно интересный рассказ одного молодого писателя, Русского Еврея, в котором я принимаю истинное участие. — Приходите, послушайте.

Жму Вам крепко руку и остаюсь

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

10

50, Rue de Douai
Paris

Среда, 23-го Апр. 79.

Любезнейший Гораций Осипович,

Посылаю Вам при сем два билета на весьма интересный концерт Павла Виардо,²⁹ молодого скрипача [sic], в котором я принимаю самое живое участие. — Я хотел поговорить с Вами об этом вчера — да позабыл. (Концерт этот произойдет в Воскресение.) Еслиб Вам почему нибудь нельзя было ехать — то будьте так любезны, пришлите билеты обратно.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

11

50, Rue de Douai
Paris

Пятница, 23-го Мая 79.

Любезнейший друг,

Наше музыкально литературное утро состоится во *Вторник*, в 3 часа в Rue de Douai 50. — Завтра я, с Вашего позволения, доставлю Вам 30 билетов и программ. — Кстати не возьмет ли банкир Эфрусси?³⁰ Я с ним лично не знаком — но, может быть, Вы замолвите слово.

Крепко жму Вам Руку.

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

12

50, Rue de Douai
ParisСуббота утром
[24 May 1879 (N.S.)]³¹

Вот, Любезнейшей Гораций Осипович, обещанные 30 билетов и программ. В случае если пожелаете больше дайте знать.

Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

13

Буживаль.
Les Frênes.

Четверг, 12-го Июня 79.

Любезнейший Гораций Осипович,

Я сегодня условился в Вашем главном кучером, что я пришлю за ослицей моего кучера в Понедельник утром. — Остается мне поблагодарить Вас и узнать, сколько я Вам должен за это прекрасное животное? Дайте мне знать в Rue de Douai 50 — а деньги я пришлю с кучером — а также и Вашему груму за его хлопоты.

Что же касается до Клачко³² — то, разумеется я не смею настаивать. А человек он хороший.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

14

Bougival
Les Frênes
ChâletПонедельник утром
[23 June 1879 (N.S.)]³³

Любезнейший Гораций Осипович,

Я вчера вернулся сюда из Оксфорда, где со всеми онёрами получил чин «Доктора Естественного Права» — и застал здесь всех своих здоровыми; но одна беда: ослица оказалась никуда негодною, не идет ни рысью, ни шагом, всего пугается — словом — кроме молока от нее ничего получить не лзя [sic]. — И потому, зная, что Вы не хотели мне продать существо ненужное, позволяю себе возвратить ее Вам — и стану приискивать другую ослицу — или осла. — Не сомневаюсь в том, что Вы на меня не прогневайтесь. —

Завтра вечером я прибуду в наш клуб — и конечно Вас увижу — и расскажу Вам все мои авантюры, а, пока, жму Вам крепко руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

50, Rue de Douai
Paris
Четверг, 25-го Июня 79.³⁴

Любезнейший Гораций Осипович,

Это письмо вручит Вам Гжа Л. Регутенко, которой Вы, по доброте Вашей, обещались вручить нужную сумму для покупки необходимых инструментов. — Ей она теперь нужна, так как откладывать свой отъезд она больше не может; — деньги³⁵ на дорогу она также не имеет: выданные мною ей 150 фр. — она должна употребить на уплату здесь. — Дорога будет стоить 250 фр. — Не желая злоупотреблять Вашим добрым сердцем, я прошу Вас — если сумма окажется слишком великой дать ей назначенные Вами для покупки инструментов³⁶ деньги — на дорогу — а инструменты она уже как нибудь добудет на месте. Во всяком случае искренне благодарю Вас — и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Bougival
Les Frênes
Châlet
(Seine et Oise.)
Среда, 29-го Окт. 79.

Добрейший барон,

Из прилагаемого подписного листа Вы усмотрите, о чем я прошу Вас. — Зовут эту барыню *Карповой*³⁷ — : она вполне достойна покровительства и помощи. — Всех денег нужно собрать 450 фр. — Прибегая к Вашему неистощимому благодушию — я решаюсь также попросить Вас, не пошлете ли Вы от моего имени этот лист С. С. Полякову³⁸ — Я уже и не извиняюсь перед Вами — а только заранее благодарю Вас. — Я засду к Вам в Субботу: может быть до того дня что-нибудь наберется.

Крепко жму Вашу «не оскудевающую» руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Любезнейший барон,

К величайшей моей досаде я не могу придти сегодня к Вам, хотя сам напросился: у меня сделался грипп, я всю ночь прокашлял — и теперь головная боль сильная — должно сидеть дома — а то пожалуй не буду в состоянии читать завтра. Пожалуйста, извините меня — хоть и вины моей нет — а есть неудача.

Дружески жму Вам руку.

Четверг утр.

27/iii. 80 [o.s.]

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Москва.
Пречистенский бульв.
д. Удельной конторы
Вторник, 29 Апр. 80.

Любезнейший барон,

Пишу Вам эти немногие строки³⁹ на кануне моего отъезда в деревню, для того чтобы предупредить Вас, что если, по вопросу продажи⁴⁰ «Тапков» — Ваш Харьковский доверенный⁴¹ к чему либо приступит, то нужно бы чтобы он снесся со мной пока я буду в деревне — или с управляющим моим, Николаем Александровичем Щепкиным,⁴² который живет в селе Спасском-Лутовинове, Орловской губернии, город Мценск — там же, где я живу — и который бы отправился в случае нужды, в Тапки, для того чтобы помочь Вашему доверенному своими указаниями и пр. — Мне следовало это сказать Вам до моего отъезда из Петербурга — но ведь⁴³ Русский человек задним умом крепок. —

К 24-му Мая я опять в Москве, а 28-го или 29-го я уже в Петербурге. Во всяком случае еще раз благодарю Вас и прошу извинения за хлопоты — кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку. —

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

С. Спасское-Лутовиново
(Орловской губ. г. Мценск.)
Понедельник, 12-го Мая 80.

Любезнейший Гораций Осипович,

Вы мне оказываете такое искреннее [*sic*] участие, что еслибы я хотел отблагодарить Вас вполне — то никогда бы не кончил. — И потому, без лишних слов приступаю прямо к изложению дела о «Тапках».

Ваш поверенный известил меня что Орловский купец предлагает за Тапки — 110 р. за десятину, что составляет 75,790 р. (за 689 дес.). — Сам он запросил 120 р. — Возьмем цифру среднюю: 115 р. — что составило бы 79,135. — Так как купчая пополам — (3,000 р.) — то из этой цифры следует вычесть 1,500 р. — Остается 77,635 р. которые я бы получил. — Контракт мой с Кашеваровым⁴⁴ так гнусно заключен моим бывшим управляющим, что я обязан заплатить ему во 1-х) 2,500 р. неустойки во 2-х) за раскопку нови и за выведенные строения (Кашеваров раскопал 60 десятин и построил молотильный сарай и новый флигель), что по оценке сделанной добросовестно — равняется 4,000 р. — С теми 2,500 р. неустойки это вышло бы 6,500 р. Вычтя их из вышепоименованной суммы — у меня бы осталось чистого:

71,135 р.

Теперь Кашеваров предлагает мне: 70,000 р. так как он всю купчую берет на себя. — (Она должна совершиться в Сентябре.) Сверх того он уплачивает мне два срока по контракту Майский и Сентябрьский по 1,400 р. 2,800 р. Вы можете на это заметить что Майский (с 25-го Мая) — и без того уплатил бы мне — но на Сентябрьский я уже не имел права так как в контракте сказано, что сроки выплачиваются за будущие⁴⁵ месяцы — положим следов[ательно]: 1,400 р. — И того,

выходит, правда по милости гнусного контракта — что я получу: 71,400 р. т.е.: 265 р. более, чем если бы я продал Тапки по 115 р. за десятину, что еще неверно. Если бы я мог надеяться что те 71,135 р. я получил бы сейчас — а Кашеваровские я получу в Сентябре — то нужно было бы прибавить к этим 71,135 р. — проценты за 4 месяца — но это тоже неверно (как⁴⁶ и продажа за 115 р. десятину) — так как, опять по контракту, сдача имени может быть сделана только между Ноябрем и Февралем. —

Что Вы мне посоветуете? Пришлите телеграмму. — Во всяком случае мне убыток небольшой. — Вы пишете что можно бы с выгодой продавать землю по кускам — но не забудьте что контракт еще существует до конца 1885-го года.

Главное я забыл. — Тапки придется заложить — так как К (у Кашеварова всех этих денег нету; но)⁴⁷ сейчас даст мне 5,000 р. задатку, который должен пропасть, если он 25-го Сентября не заплатит мне недостающую сумму в дополнение того что я получу из банка — и продажа не состоится.⁴⁸ — Это будет сказано в Запродажной записи. Если мы с ним сойдемся, то я воспользуюсь Вашим указанием на Харьковский банк. (К тому же Г. Алчевский⁴⁹ мне знаком) Вы видите из этого что г. Монисов⁵⁰ был мне во всяком случае очень полезен. Я буду рад с ним свидеться и посоветоваться, когда он придет.

Вы мне вероятно скажете, что я плохой финансист — и это будет святая правда; но я хотел изложить Вам, как и почему я поступил. П. Ф. Самарин,⁵¹ великий хозяин, сказал мне, когда я в Москве сообщил ему подробности состояния Тапков, что больше 110 р. за десятину я получить не могу — а я делал свои расчеты на 115.

Уф! Никогда в жизни так много не писал о денежных делах! Тысячу раз прошу извинения за все эти хлопоты — когда у Вас своих дел не оберешься. Надеюсь: увидиться с Вами еще в Петербурге — клянюсь всем Вашим — и крепко-накрепко жму Вам руку.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

19(a)⁵²

(i)

Copie de mon télég.

Письмо 12 получил. Сами защищаете противную сторону. Расчет почти верен но обратите должное внимание на условия запродажной Выставляйте ясно что вырученные деньги займа Вы зачете в 70 тыс. Иначе Вам зачтут налицательную сумму залога, а облигации стоят ниже ста. Да Ваш покупатель должен обозначить какой заем Харьк. Банка взять пяти или шести процентный. Осторожного etc.

5% обlieg. стоят 87

6% „ „ 97 по погашении разница

faites le marché sans son consentement préalable — et vous aurez des prétentions à non finir. —

(ii)

Душевноуважаемый Иван Сергеевич,

Petersb. 16/28 Mai 80

Avec des chiffres on arrive à tout prouver (quand on le veut). Votre tranquillité, des prétentions à écarter etc. valent qq. milliers de roubles.

Voyant toute la confiance que vous mettez en moi j'ai trouvé bon à attirer votre attention sur les conditions de la «запродажную».

Figurez-vous qu'on vous mettait «общая сумма продажи 70 т. задатка 5 т. заложено в Банке 50 т. остается как доплата 15 т.».

Так позвольте Вам допояснить, что в таком случае Вы бы не получили 70 т., а

задатку	5,000	
вырученных из залога 50 т.		
5% облигации по продажной цене		
по 87 =	43,500	
из сего		
(a) расх. банка		
13/4 = 875		
(b) погашение за 1-ое		
полугодие = 1,750	2,625	
	40,875	40,875
остатку		15,000
что составит		60,875

Не дайте Вашу Кашеварову заварить кашу.

En vue de tel calme je me suis permis de vous télég. et attirer toute votre attention sur les conditions — mettez clair et net «вырученные наличными деньгами из ссуды за удержанием банком % и все расходы».

Excusez si j'entre dans tant de détails; mais si j'ai beaucoup à faire une de mes plus agréables occupations est celle de vous être utile.

Bien sincèrement à vous
H. Günzburg

20

С. Спасское-Лутовиново
(Орловской губ. г. Мценск.)
Пятница, 16-го Мая 80.

Любезнейший барон,

Сегодня должно было покончиться дело с моим арендатором Кашеваровым⁵³ — и сегодня же оно расстроилось; оказалось, что он не только не хотел платить Октябрьскую треть аренды — но даже и Майскую что составляло 2,800 р. — След[овательно]: за Тапки приходилось получить всего 67,200 р. — Das war zu starker Taback — я ему возвратил его задаток — и баста! — Но так как мне, в силу известных обстоятельств, деньги нужны нынешним летом — то я решился: заложить «Тапки» в Харьковском банке — и написать Монисову,⁵⁴ (с которым я познакомился и который произвел на меня впечатление весьма дельного и честного человека) чтобы он продолжал свои хлопоты о приискании покупателя. — Вы уже знаете, что Вашу телеграмму я получил и принял ее к сведению. —

Я написал Монисову мой ultimatum: я желаю получить чистыми деньгами за Тапки 70,000. — Так как я закладываю имение в Харьковском банке — что

составит около 50,000 — то покупателю придется доплатить — 20,000 — да сверх того за купчую, неустойку Кашеварову, да за раскопку новей — всего около 9,000 р. Совершение купчей я согласен отложить до 1-го Октября — а при составлении запродажной записи желаю получить⁵⁵ 5,000 р. задатка, который превращается в неустойку в случае неплатежа. — При таких условиях десятина обошлась бы покупателю в 114 р. 1/3. — Полагаю, что эта цена умеренная.

Не считая нужным повторять Вам выражений моей благодарности — это понимается само собою — а в надежде скоро свидеться с Вами, жму Вам крепко руку и остаюсь

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

21

Буживаль.
Les Frères.
Понедельник, 27-го Сент. 80.

Любезнейший друг,

Я завтра рано уезжаю в Лондон (на 5 дней) — а сегодня вечером получил от своего управляющего⁵⁶ прилагаемую телеграмму. — Оказывается что Харьковский банк вместо обещанных 50 р. ссужает всего 35 р. за десятину. — Это очень неприятно — так как может затруднить уплату покупщиком добавочной суммы. Полагаю, что горю этому помочь нельзя — но для очистки совести посылаю Вам именно эту телеграмму так как из нее Вы увидите, что мой управляющий советует обратиться к Вам. — Едва ли г. Алчевский в состоянии переменить решение — но Вы поступите, как заблагорассудите. — Прошу Вашего великодушного извинения за причиняемые хлопоты. — Через неделю я Вас увижу — а пока дружески жму Вам руку и остаюсь

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

P.S. На всякий случай прилагаю Вам мой Английский адрес:
Mr I. T. — Newmarket, Six Mile Bottom, at Mr. W. Hall's, Esquire.

21 (a)⁵⁷

(i)

Paris 50 Rue de Douai Ivan Tourgueneff
Mzensk 26/9 [1880]

Je pars mardi Charkow recevoir avance votre bien est évalué à bon marché on donnera par 35 roubles argent priez Guinsbourg de demander Altschewsky par télégramme évaluer de nouveau votre bien

Nicolas Stchepkine

(ii)

Paris Horace Guntzburg Rue de St. Georges
Charkoff 29/9 (stamp: 30 Sept.) [1880]

Fais tout possible pour élever estimation spéciale 120 afin d'augmenter donation 72 roubles par dessatine en lettres de gage de 6 pour cent attendez dépêche demain
Altschewsky

(iii)

Paris 1 Rue Saint Georges Horace Guensburg

Charkow 2/10 [1880]

Nicolas Shepkin mandataire de Tugenjew est arrivé aujourd'hui affaire est arrangée à souhait après demain banque lui versera à soixante douze roubles par desiatine en lettres de gage

Altschewsky

22

(Seine et Oise.)
Буживаль
Суббота, 9-го Ок. 80.

Любезнейший барон и друг,

Увы и ах! Приходится отложить наш обед в понедельник, так как я в этот день не могу⁵⁸ покинуть Буживаль вследствие семейного дела. — Хотите, назначим Четверг? Пожалуйста, извините великодушно. На этот раз — ce n'est pas ma faute.

Дружески жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

23

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frères
Пятница, 29-го Ок. 80.

Любезнейший друг,

В нашем последнем разговоре вышло, кажется, небольшое недоразумение. — Вы мне сказали, что облигации можно будет хранить у Вас в конторе до поры до времени — но ведь эти облигации должны быть уже проданы, так как Вы, помните? сами сказали мне как распорядиться на их счет с моим управляющим,⁵⁹ который вместо отсылки телеграммы, сам свез их в Петербург (для того чтобы узнать положительно сколько придется покупщику (Кашеварову)⁶⁰ доплативать. — Следовательно, в Вашей конторе должны находиться не облигации — но деньги на мое имя, которые прошу быть так любезным и хранить до тех пор, пока мы с ними что-нибудь сделаем.

Еще раз извиняюсь за хлопоты — и желая Вам счастливого пути, дружески жму Вам руку и остаюсь

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

24

Невский пр. 11.
Пятница, 15-го Мая [1881]⁶¹
12 ч. дня.

Любезнейший барон,

С сокрушением должен воскликнуть: не могу! Не могу у Вас обедать — не смотря на все желание. — С сегодняшнего утра ноги опять хуже — и всякое движение особенно по лестнице — не мыслимо. Делать нечего: — неудачнее моего нынешнего путешествия нельзя себе представить.⁶² Примите выражение неподдельного сожаления и верьте в искреннюю привязанность

Вашего
Ив. Тургенева.

25

[? 14 Oct. 1881 (n.s.)]⁶³

Любезнейший друг,

Мне нужно было видеть Вас — не для себя — но для одного человека, который просил меня похатайствовать у Вас — Я уезжаю после-завтра в Лондон и вернусь только в Субботу — в Воскресение⁶⁴ утром я буду у Вас пока, жму Вам дружески руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

26

Париж
50, Rue de Douai
1/13-го Мая 82.

Любезный друг Гораций Осипович,

Я уже писал Вам через нашего друга Матвея Михайловича,⁶⁵ что так как я занемог довольно опасной болезнью, то я желал бы, чтобы Вы послали мне сюда находящиеся в Вашей кассе 40,000 р. Харьковских облигаций; — с тех пор моя болезнь не облегчилась — надежда на выздоровление слабеет или удаляется — и потому я Вас вторично прошу исполнить мою просьбу — тем более что вследствие окончательного раззорения [sic] моей дочери и ее бегства — у ней только и остался что этот кусок хлеба.

Извините что не пишу Вам больше — вот уже 2 недели как я не встаю с постели — но кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. По окончательному расчету с здешним Вашим банком за мной осталось⁶⁶ 665 фр. которые немедленно будут ему выплачены.

27

Любезнейший друг Гораций Осипович,

Письмецо это Вам вручит Ваш воспитанник Пожалостин.⁶⁷ — Будьте так добры, выслушайте его просьбу — и если возможно ее исполнить — посоветуйтесь с добротой Вашего сердца, так как молодой человек этого заслуживает.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Буживаль
Les Frènes.
14-го Авг. 1882

28

(Seine et Oise.)
Bouival
Les Frènes.
Вторник, 13-го Авг. 82.

Любезнейший друг Гораций Осипович,

Пользуюсь Вашим пребыванием в Париже, чтобы перекинуться с Вами двумя словами. — Они состоят в просьбе которую я Вам уже⁶⁸ передавал через М. М. Стасюлевича. Распорядитесь, сделайте одолжение, о покупке мне каких-нибудь хороших Русских бумаг на те мои⁶⁹ 20,000 р.с.,⁷⁰ которые находятся у Вас в Петербургском банке; — и по совершении сей покупки, велите известить меня. —

Здоровье мое — (или правильнее: болезнь моя) — все в том же statu quo; маленькое облегчение заметно — но очень маленькое! — с тех пор как я принялся за исключительно-молочное лечение, которое должно продолжаться еще 6 недель.

Пожалуйста, когда вернетесь в Париж, дайте о себе весточку.

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

P.S. Я дал вчера Пожалостину, по его просьбе, рекомендательную записочку к Вам; сомневаюсь однако, чтобы Вы одобрили его намерение.

29

(Seine et Oise.)
Bouival
Понедельник, 18-го Сент. 82.

Любезнейший барон Гораций Осипович,

Это письмецо Вам вручит г. Шполянский,⁷¹ которого я уже однажды Вам рекомендовал и который удостоился от Вас ласкового приема. Он бы желал увидеться с Вами снова и изложить Вам свое положение. —

В надежде, что Вы и на этот раз будете так добры и выслушаете его, прошу Вас принять выражение моей искренней дружбы и глубокого уважения.

Ив. Тургенев.

30

(Seine et Oise)
Bougival.
Les Frênes.
Пятница, 22-го Сент. 82.

Любезнейший Гораций Осипович,

Я было надеялся увидеть Вас у себя вместе с Михаилом Матвеевичем; — но встретившиеся обстоятельства Вам помешали. — Я все таки надеюсь на Ваш визит, так как имею показать Вам нечто весьма интересное [*sic*] и любопытное.⁷² — Если Вы удосужитесь — дайте мне только знать накануне по телеграфу; а приехать сюда очень легко — поезда [*sic*] из Gare St. Lazare отправляются каждый час 35 минут — а на Американской железной дороге из Rueil'a⁷³ в Bougival надо сказать что⁷⁴ Вы выходите на станции La Chaussée, которая находится прямо против нашей дачи.

Здоровье мое заметно поправляется — и я скоро буду в состоянии ездить в карете.

Мне Шполянский писал о Вашем благосклонном приеме; спасибо Вам за это. Молодой этот человек вполне заслуживает поощрения.

Дружески жму Вам руку — и до скорого свидания, надеюсь.

Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Передайте мой поклон Г-же Стасюлевич — если Вы ее увидите.⁷⁵

31

50, Rue de Douai
Paris
Суббота утр. [? 1879]⁷⁶

Любезнейший Гораций Иосифович,

Прилагаемое Итальянское объявление Вам пояснит значение — оставленных мною у Вас вчера фотографий. Владелец этой виллы,⁷⁷ некогда очень богатый человек, разорился и теперь лежит здесь больной и без гроша. Его зовут Каффиеро — (Caffiero).⁷⁸ Он хотел бы продать эту виллу, последнее свое достояние — и хотя она ему стоила около 150,000 ф. он бы отдал ее за 30,000. — Может быть, Вы когонибудь знаете, кто бы хотел сделать эту выгодную аферу [*sic*]. Вилла лежит в прелестнейшем местоположении и имеет много строений. Если комунибудь нужно собрать справки — его адрес: M. Caffiero, Boulevard Arago 25.

Вчера «Coquelín»⁷⁹ был прелестен; но Mlle Thursky — до Марианны — как до звезды небесной далеко.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

Преданный вам
Ив. Тургенев.

32

С. П-бург.
Европейская Гостиница [*sic*]
Понедельник, 11 ч. вечера
[? June/July 1880]⁸⁰

Любезнейший друг,

Мой управляющий приехал, получит завтра новую доверенность и завтра же отправится обратно в Москву. Деньги не 22,000 а 35,000 р. он получит после-завтра и немедленно выплатит их Ценкеру и Ко. Может быть Вы с своей стороны будете так добры и уведомите об этом Г. Ценкер и Ко. Мой управляющий попросит их тотчас сообщить об этом Вам в Париж.

До свидания после завтра на железной дороге. — Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

33

Bougival
Les Frênes
Châlet

Подписной лист
для доставления возможности
одной соотечественнице поступить
на Медицинский факультет.

Ив. Тургенев 100 фр.

34

VISITING-CARDS

(i)

Ivan Tourguéneff
50, Rue de Douai

[? 1882]⁸¹

Не будет ли у Вас скоро отправки в Петербург? Я бы поручил тому лицу свою рукопись. И.Т.

(ii)

Ivan Tourguéneff
50, Rue de Douai

[? Mar. 1882]⁸²

Любезнейший барон, мне непременно нужно Вас видеть — могу я приехать «Среду» в 12 часов утра или в 5? Дайте мне знать одним словом в Буживаль. — Заранее благодарю. Благодарю также за ласковый прием Шполянскому. — Он окажется достойный⁸³ Вашего покровительства.

(iii)

Prince Alexandre Meschersky⁸⁴

Rue et Hotel Jean-Bart

Любезнейший Гораций Осипович,

будьте так добры, выслушать моего хорошего приятеля кн. А. А. Мецгерского и поговорить с ним об одном интересном деле, которое он Вам сообщит.

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

35

POWER OF ATTORNEY⁸⁵

Милостивый Государь

Давид Горадиевич

Сим Вас уполномочиваю и предоставляю Вам право принадлежащее мне родовое имение Спаское-Лутовиново со всеми постройками и угодьями, заключающее в себе десятин сажень, доставшееся мне по наследству от Матери моей Варвары Петровны и состоящее в Мценском уезде Орловской Губернии, продать в полном его составе или по частям или же заложить на выгодных условиях в Взаимном Поземельном Кредите, в одном из земельных Банков или же у частных лиц, как Вы заблагорассудите. На сей конец имеете совершить от имени моего запродажные записи, купчую крепость или закладные, с исполнением всех действующих для сих актов формальностей: от имени моего где следует расписываться; получать за то имение условленные деньги или облигации Земельного Кредита или Банка, вырученные от продажи или полученные по закладной, выдавая в том или другом случае надлежащие квитанции. Наложить на имение запрещение и снять таковое. При вводе нового покупателя присутствовать и вводные листы подписывать. От всех мест и лиц документы и всякого рода бумаги и отчеты относящиеся к этому имению вытребовать и исходатайствовать. Одним словом делать все что окажется нужным и полезным для исполнения возлагаемого мною на Вас сею доверенностью поручения. Также, в случае надобности подписывать и подавать от моего имени во все присутственные, судебные места, мировые учреждения и начальствующим лицам всякого рода и названия бумаги; слушать определения и решения, объявлять на них удовольствие или неудовольствие; переносить дела в высшие инстанции; приносить частные апелляционные и кассационные жалобы; прекращать дела миром и подписывать миролюбные сделки; получать документы, справки, копии и исполнительные листы. Облигации или вырученные деньги внести в Банкирский Дом И. Е. Гинцбурга в С. Петербурге в мое распоряжение. Полномочие это перевернуть, по Вашему благоусмотрению, частью или в целом его объеме другим лицам. Я Вам во всем верю, и что Вы или доверенные от Вас лица, на основании сей доверенности, законно учините, я заблагу прииму спорить и прекословить не буду.

Доверенность эта принадлежит Барону Давиду Горадиевичу Гинцбургу — Париж Августа 16/28 дня 1883 Года.

Иван Тургенев.

NOTES

¹ ввиду] въ виду MS.² The reference is to some songs by Mme Viardot which Baron Horace's son, Mark, had promised to take to St. Petersburg, but which he forgot (*Lit. Arkh.*, p. 265; *Stas.*, p. 142).³ выйти] выдти MS.⁴ The letter can be precisely dated: the sale of the pictures to which Turgenev refers took place on 20 Apr. 1878 (n.s.), and the preceding Tuesday (on which the letter was written) was the 16th.⁵ Вам followed by каталог struck out.⁶ билет на особый вход на выставку *interlineated*.⁷ Субботу preceded by Среда struck out.⁸ This sentence is *interlineated*.⁹ Nikolay Mikhaylovich Spassky (1842-1914), who was in Paris studying singing and who later studied in Italy. In 1861 he had taken part in the student disturbances in St. Petersburg (where he first met Turgenev) and had been arrested and imprisoned in the Peter and Paul Fortress. His debut at the Mariinsky Theatre was not a success, but he later developed into a distinguished teacher and also translated many libretti, including *Manon*, *Falstaff*, and *Othello*. Four of his letters to Turgenev were published in *I. S. Turgenev: materialy i issledovaniya* (Orel, 1940), pp. 21-23.¹⁰ вследствие протекции] вследствие протекции MS.¹¹ Count Aleksandr Vladimirovich Adlerberg (1819-89), Minister of the Imperial Court and Apanages, 1870-82.¹² Baron Karl Karlovich Kister, State-secretary, Director of the Imperial Theatres from 1875 to 1881.¹³ The reference is to Mark de Gunzburg's studio in which the Society later held its meetings (see p. 77).¹⁴ Aleksey Petrovich Bogolyubov (1824-96), a sensitive Russian artist who specialized in seascapes and who settled in Paris in 1871 (see p. 77).¹⁵ Yuliy Dyulu, the friend of Turgenev, Stasyulevich, and Annenkov, who occasionally served Turgenev in the role of courier between Paris and St. Petersburg (*Stas.*, pp. 85-87).¹⁶ Surname indecipherable.¹⁷ Ivan Pavlovich Pokhitonov (1850-1923), 'the Russian Meissonier', at this time living in Paris. He first exhibited in 1890 and became a member of the *Peredvizhniki* in 1905.¹⁸ Aleksandr Ignat'evich Alekseyev (b. 1842), a Russian painter who studied in Paris and exhibited in the Salon of 1890/1 (*Thieme-Becker, Allgemeines Lexikon*, i (1907), 271).¹⁹ A Baron Leon Frederiks (1839-after 1912) was Adjutant-General of the Russian General Staff. His son lived in Paris.²⁰ Yuriy Yakovlevich Leman (1834-1901), a Russian artist working in Paris. An exhibitor from 1879, he became a *Peredvizhnik* two years later.²¹ Pavel Vasil'evich Zhukovsky (1845-1912), the son of the poet, and an artist. He spent most of his life abroad—his last years at Weimar, where he died. Turgenev met him at Baden-Baden, and he was frequently in his company in the mid-seventies. Twenty-eight letters to him from Turgenev dating from 1869-75 were published in *Nedra*, iv (1924), 181-284. A character-sketch of Zhukovsky is contained in a letter of Turgenev's to their common friend, A. F. Onegin (letter of 8 Apr. 1870, *ibid.*, p. 286).²² Aleksey Alekseyevich Kharlamov (1842-1922), a Russian artist who was working in Paris during the seventies. In 1875 he painted the portrait of Turgenev which is now in the Russian Museum in Leningrad.²³ Mark Matveyevich Antokol'sky (1843-1902), a Russian sculptor of Jewish descent who settled in Paris in the eighties. His bust of Turgenev dates from 1877.²⁴ The death of his son, Mark, at the age of eighteen.²⁵ *Interlineated*.²⁶ Ivan Yakovlevich Pavlovsky (1853-1924) was arrested in 1874 for spreading revolutionary propaganda, and after four years in prison was among those in the 'trial of the 193' in Oct. 1877. He was acquitted, but in 1878 was exiled to Pinega, whence he escaped to America (see *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii*, ii (1931), cols. 1131-2). He reached Paris in 1879, made Turgenev's acquaintance, and was taken up by him. In a letter to Ya. P. Polonsky, Turgenev makes the following comment on Pavlovsky's article 'V odinochnom

zsklyucheni': 'It is a touching but entirely unstudied account of a prisoner's life, without any political allusions or reproaches. I should add that the interest of the story is exclusively psychological' (*Sobranie sochineniy*, xi (1949), 346-7). Turgenev arranged for the article to be translated by Lukanina, and submitted the translation to Hébrard, the editor of *Le Temps*, who published it with an introductory letter by Turgenev in the issue of 12 Nov. 1879 (M. Gershenzon, *Russkie propilei*, iii (1916), 258). B. M. Markevich drew attention to the matter in the *Moskovskie Vedomosti*, and the introductory letter caused Turgenev considerable embarrassment with the Russian police. He defended his action in a letter published in the newspaper *Molva* of 30 Dec. 1879, and this letter together with an editorial comment appeared in the Feb. issue of *Vestnik Evropy* in 1880 (T. 2, pp. 843-9).

²⁷ Interlineated.

²⁸ Word before no obliterated.

²⁹ Paul Viardot (b. 1857) was in all probability Turgenev's child (Magarshack, pp. 172-3). He became a violinist.

³⁰ Ephrussi was the well-known banker of Paris and Vienna.

³¹ The date is determined by the preceding letter.

³² Turgenev spells the name thus, but the reference is plainly to S. Klyachko, whom he recommended to M. O. Vol'f in 1879 as a translator (*Stas.*, p. 190, and S. Librovich, *Na knizhnom postu* (P., 1916), p. 64). He was a correspondent of the newspaper *Poryadok* and later became the Vienna correspondent of *Vestnik Evropy* (Kleman, pp. 286, 301).

³³ The date is establishable as follows: Turgenev received his D.C.L. at Oxford on Wednesday, 18 June 1879 (*pace* Magarshack, p. 291); on 18 (30) June he wrote to Stasyulevich from Paris that he had been back for a week (*Stas.*, p. 166); the only Monday between 18 and 30 June 1879 was the 23rd.

³⁴ There is an error in the dating: the letter must have been written either on Wednesday, 25th, or on Thursday, 26th.

³⁵ One letter obliterated before *деньги*.

³⁶ для покупки инструментов interlineated.

³⁷ There is an (unpublished) letter to Turgenev of 23 July 1878 from a 'V. Karpova' in the Institute of Russian Literature in Leningrad (*Opis. rukopisey*, p. 37).

³⁸ S. S. Polyakov, a Russian-Jewish businessman who was of some importance in his day. He was an acquaintance of Gunzburg, but they differed in their views on Jewish problems (Sliosberg, p. 80).

³⁹ After строки the words для того что struck out.

⁴⁰ Word after продажи obliterated.

⁴¹ i.e. Yakov Iudovich Monisov, who was apparently recommended to Turgenev by Gunzburg. Turgenev asked him to act as an intermediary in the sale of Tapki. He is referred to from time to time in subsequent letters, and letters to him of 16 and 20 May 1880 were published in *Pervoe sobranie pisem I. S. Turgeneva* (SPb., 1884), pp. 358-9.

⁴² Nikolay Aleksandrovich Shchepkin, steward at Spasskoe from 1876 to 1882 (*Lit. Arkh.*, p. 274) and the only steward about whom Turgenev does not complain. He had succeeded Turgenev's uncle, Nikolay Nikolaevich, for whom Turgenev felt an affection which dated from his childhood, but who mismanaged his affairs catastrophically (Magarshack, p. 252).

⁴³ Turgenev writes here (also in No. 23) ведь and not вѣдь.

⁴⁴ Turgenev's lessee, with whom he had earlier signed an agreement which was to run until 1885. The negotiations for the sale of Tapki to him went smoothly at first (Letter No. 19), then ran into difficulties (No. 20), but were finally satisfactorily concluded (No. 23). Turgenev received 81,000 roubles for the property (*Pervoe sobranie pisem*, p. 359 n.).

⁴⁵ будущее interlineated above прошедшее, which is struck out.

⁴⁶ A word (perhaps так) obliterated before как.

⁴⁷ (у Кашеварова всех этих денег нету; но) interlineated; parentheses added editorially to make the sense clear.

⁴⁸ и продажа не состоится interlineated.

⁴⁹ An acquaintance of Turgenev's and Gunzburg's who was presumably a senior official of the Kharkov Bank (see Letter No. 21, and 21a).

⁵⁰ See n. 41, above.

⁵¹ Petr Fedorovich Samarin, a brother of Yuriy Samarin, the Slavophile. He is referred to in a letter of Turgenev's to N. V. Khanykov of 13 Mar. 1875 (*Ezhemesyachnye sochineniya*, vi (1901), No. 12, p. 316).

⁵² Drafts of Gunzburg's telegrams and letters in reply to Letter No. 19. The texts are much abbreviated and contain many additions, alterations, and even spelling mistakes.

⁵³ See n. 47, above.

⁵⁴ желаю получить interlineated.

⁵⁵ i.e. Shchepkin (see n. 42, above).

⁵⁶ These three items are telegrams. Telegraphic mutilations have been reproduced.

⁵⁷ Word after могу obliterated.

⁵⁸ i.e. Shchepkin (see n. 42, above).

⁵⁹ The year must be 1881—May 1879 and 1880 do not fit in with Turgenev's known movements, and a letter of his of 16 (28) May 1881 is written from the same address and includes similar complaints regarding his gout (*Lit. Arkh.*, p. 371).

⁶⁰ See n. 44, above.

⁶¹ Attributable in part to his difficulties with Pobedonostsev (Kleman, p. 304).

⁶² The hand is consistent with a date in 1881. On 14 (26) Oct. 1881 Turgenev wrote from Paris to Stasyulevich that he had returned two days previously from a week's visit to England (*Stas.*, p. 196).

⁶³ Воскресение followed by вечером struck out.

⁶⁴ i.e. Михаила Матвеевича. The request to Stasyulevich in connexion with Paulinette's final break with her husband is in a letter to him of 14 (26) Apr. 1882 (*Stas.*, pp. 201-2, and see *Turg. sbornik*, p. 149).

⁶⁵ Two figures obliterated after осталось.

⁶⁶ Possibly Ivan Petrovich Pozhalostin (1837-1909), who engraved Dmitriev-Orenburgsky's portrait of Turgenev in 1884.

⁶⁷ уже added in margin.

⁶⁸ The same 20,000 roubles are apparently referred to in a letter to Stasyulevich of 16 (28) May 1882 (*Stas.*, p. 204); and in a letter to Gunzburg of 1 May 1882 there is perhaps a reference to the same sum which he is to receive from Turgenev's steward (*Turg. sbornik*, p. 150). Turgenev's wishes were met by the purchase of Mutual Land Credit Mortgages (letter of 18 (30) Aug. 1882 in *Stas.*, p. 207).

⁶⁹ Turgenev first recommended Shpolyansky to Gunzburg on 8 (20) Mar. 1882 (*Turg. sbornik*, pp. 148-9); see also p. 81, above, and *Stas.*, pp. 202-4. Shpolyansky had written an article on Guizot and a *feuilleton* on Paris student-life. He is mentioned in Letter No. 30 and in No. 34 (ii).

⁷⁰ Probably some of Szyndler's copies (*Stas.*, p. 210). For Szyndler, see p. 77; for Shpolyansky, see the preceding note.

⁷¹ Rueil'a preceded by Pю struck out.

⁷² Mme Stasyulevich was an old friend of the Gunzburgs (see p. 75). Stasyulevich was only passing through Paris and had already left on 6 (18) Sept. (*Lit. Arkh.*, p. 333).

⁷³ Dated on the basis of the handwriting, paper, and form of address.

⁷⁴ 'La Baronata', the villa in which Bakunin had once lived (see pp. 82-83, above, and E. H. Carr, *Bakunin* (1937), pp. 462-86).

⁷⁵ The name is properly 'Cafiero' (with one 'f').

⁷⁶ B. C. Coquelin (1841-1909), the actor.

⁷⁷ The letter evidently relates to the sale of Tapki and presumably dates from the period of about a week which Turgenev spent in St. Petersburg on his return journey from Spasskoe to France (19 June (1 July) to 25 June (7 July) 1880). He often put up at the Hôtel de l'Europe for the first few days of his stay in St. Petersburg or when it was his intention to remain in the city for a few days only (*Lit. Arkh.*, pp. 269-70, 279, 300).

⁷⁸ Dated on the basis of the handwriting.

⁷⁹ The reference to Shpolyansky implies a date in or after Mar. 1882 (see n. 71, above) and just before Turgenev's illness.

⁸⁰ достойный or достойным.

⁸¹ Prince Aleksandr Aleksandrovich Meshchersky (b. 1844) was at one time secretary of the Statistical Section of the Russian Geographical Society. He had known Turgenev in Russia and was with him during the last few days of his life (*Lit. Arkh.* p. 240, n. 5; *Opis. rukopisey*, p. 38).

⁸² The collection includes two copies of this power of attorney, differing in one or two minor points only. The *deyatina* and *sazhen'* figures are left blank in both, and both are signed, but the signatures are unlike Turgenev's normal one. This is perhaps the result of someone having guided his hand.